

Ермилов В.

Чехов А. П. – М.: Советский писатель, 1954. – С. 277-284

«Черный монах»

В рассказе «Черный монах» (1894) Чехов, с полной научной точностью, описал манию величия, овладевшую посредственным ученым, который расстроил себе нервы чрезмерными занятиями. Когда Антона Павловича спрашивали, для чего он написал этот рассказ, то он отсылал к буквальному смыслу произведения: просто «пришла охота» описать случай мании величия. Но, кроме точнейшего воспроизведения психического заболевания, в рассказе есть свое глубокое поэтическое подводное течение.

Магистр философии Коврин начал жить не настоящей жизнью, а мечтами, миражами. Он галлюцинирует: его посещает летучее видение — черный монах с ласковым и лукавым выражением лица. Да, этот черный монах—лукавый льстец. Прислушаемся к его речам, соблазвившим магистра философии, — и мы увидим, что не одного лишь Коврина соблазнял этот дух... Что же внушает Коврину черный монах, этот «продукт возбужденного воображения» самого Коврина, как говорит о себе черный монах, не скрывающий, что он лишь призрак. Правда, он при этом применяет софистику, хорошо известную магистру философии: «Я существую в твоём воображении, а воображение твоё суть часть природы, значит, я существую и в природе». И Коврин и не верит, и верит в реальность своего миража.

«Ты один из тех немногих», — говорит Коврину его искуситель, — «которые по справедливости называются избранниками божиими. Ты служишь вечной правде.

...Без вас, служителей высшему началу, живущих сознательно и свободно, человечество было бы ничтожно; развиваясь естественным порядком, оно долго бы еще ждало конца своей земной истории. Вы же на несколько тысяч лет раньше введете его в царство вечной правды — и в этом ваша высокая заслуга».

Коврина несколько беспокоит мысль о том, что черный монах — лишь призрак.

«— ...Значит, я психически болен, ненормален?»

— Хотя бы и так. Что смущаться? Ты болен, потому что работал через силу и утомился, а это значит, что своё здоровье ты принес в жертву идее, и близко время, когда ты отдашь ей и самую жизнь... Это — то, к чему стремятся все вообще одаренные свыше благородные натуры.

— Если я знаю, что я психически болен, то могу ли я верить себе?

— А почему ты знаешь, что гениальные люди, которым верит весь свет, тоже не видели призраков? Говорят же теперь ученые, что гений сродни умопомешательству. Друг мой, здоровы и нормальны только заурядные, стадные люди. Соображения насчет нервного века, переутомления, вырождения и т. п. могут серьезно волновать только тех, кто цель жизни видит в настоящем, то есть стадных людей.

— Римляне говорили: *mens sana in corpore sano*.

— Не все то правда, что говорили римляне или греки. Повышенное настроение, возбуждение, экстаз — все то, что отличает пророков, поэтов, мучеников за идею от обыкновенных людей, противно животной стороне человека, то есть его физическому здоровью. Повторяю: если хочешь быть здоров и нормален, иди в стадо.

— Странно, ты повторяешь то, что часто мне самому приходит в голову, — сказал Коврин. — Ты как будто подсмотрел и подслушал мои сокровенные мысли...

...Он пошел назад к дому веселый и счастливый. То немногое, что сказал ему черный монах, льстило не самолюбию, а всей душе, всему существу его. Быть избранником, служить вечной правде, стоять в ряду тех, которые на несколько тысяч лет раньше сделают человечество достойным царствия божия, то есть избавят людей от нескольких лишних тысяч лет борьбы, греха и страданий, отдать идее все — молодость, силы, здоровье, быть готовым уме-

реть для общего блага, — какой высокий, какой счастливый удел! У него пронеслось в памяти его прошлое, ...он вспомнил то, чему учился и чему сам учил других, и решил, что в словах монаха не было преувеличения».

Окружающие поддерживают в Коврине его веру в свое избранничество. Когда он объясняется в любви Тане, она говорит ему: «Мы люди маленькие, а вы великий человек». И Таня, чей образ близок образу Сони из «Дяди Вани», и отец Тани, талантливый садовод, создатель чудесного, редкого сада, — оба они относятся к Коврину как к избраннику. Они могли бы сказать ему точь-в-точь те самые слова, которые говорит Зинаида Федоровна Владимиру Иванычу: «Вы принадлежите к особенному разряду людей, которых нельзя мерить на обыкновенный аршин...» Они так же обожают магистра философии Коврина, как Соня и дядя Ваня обожали другого «избранника» — профессора Серебрякова, и так же погибают их жизни во имя «идола»...

Да, возник этот черный монах где-то в Сирии или Аравии, тысячу лет назад, — а стоит лишь прислушаться к его словам, чтобы убедиться в том, что он повторяет, в торжественной, экзальтированной форме, все «модные» интеллигентские идеи, столь распространенные в семидесятых — восьмидесятых, а также девяностых годах: тут и «герой и толпа», «избранники божи и стадо», тут и жертвенность «избранных личностей», тут и представление об интеллигенции, как об особой касте «служителей высшему началу», «пророков», мудрецов и поэтов, призванных, подобно мессии, вести за собою «стадо» — человечество в «царство вечной правды», тут и такая, тоже бывшая весьма модной в свое время, идея, как родственность гения и безумия, и т. д. и т. п. Недаром Коврин говорит черному монаху, что тот как будто подсмотрел и подслушал его сокровенные мысли, и недаром речи черного монаха льстят в сей душе, всему существу Коврина. Все дело в том, что черный монах действительно подсмотрел и подслушал сокровенные мысли тогдашнего «интеллигента средней стоимости», как сказал Горький о Климе Ивановиче Самгине.

Все, что говорит черный монах, — это набор ходячих представлений, идей, типичных для многих Ковриных, для всей той интеллигенции, которая мнила себя избранницей, призванной осчастливить своим божественным разумом «стадо» обыкновенных людей. Недаром речи черного монаха напоминают Коврину все то, чему он учился сам и чему учил других, что писалось в тогдашних книгах, брошюрах, статьях, проповедовалось с кафедр.

Неестественный подъем, экстаз, в состоянии которого пребывает психически заболевший Коврин, оканчивается печально и трагично. Какой резкий, сурово-насмешливый контраст между вдохновением — ложным! — лучезарностью, окрасившей жизнь Коврина в тот период, когда он верил в свое величие, и реальностью самого ординарного человека, которую он с особенной остротой и обидой чувствует после пережитого восторга! Все, что написал Коврин в период своего, оказавшегося ложным и болезненным, вдохновения, — диссертацию, статьи, — ему пришлось теперь уничтожить, разорвать, потому что «в каждой строчке видел он странные, ни на чем не основанные претензии, легкомысленный задор, дерзость, манию величия, и это производило на него такое впечатление, как будто он читал описание своих пороков».

В самом деле, это и есть описание пороков, «история болезни», — и не только Коврина, но и большей части тогдашней интеллигенции.

В тот период, когда Коврин переживал состояние своего болезненного подъема и его иногда пугало сознание, что он галлюцинирует, болен, — его успокаивало соображение: «Но ведь мне хорошо, и я никому не делаю зла; значит, в моих галлюцинациях нет ничего дурного...» Но уход от реальной жизни не может быть безвредным и безнаказанным. Коврин сделал много дурного, он принес много зла. Он погубил двух хороших, честных, действительно, — а не в иллюзорных мечтах, — творческих и ценных людей, людей скромных, любивших дело больше, чем самих себя, как говорит старый садовод, отец Тани. Безумие Коврина — лишь крайнее выражение эгоцентризма. Он явился виновником болезни и смерти старика, обожавшего его, и Тани, доверчиво отдавшей ему жизнь, он погубил един-

ственных людей во всем свете, которые любили его, как своего, родного. Он погубил прекрасный сад. Он погубил дружбу, любовь, красоту жизни. Глубока поэтическая мысль рассказа! Ложная красота ложных мечтаний, уводящих от настоящей жизни, не безвредна, как казалось Коврину, а преступна и безобразна, потому что она губит настоящую красоту — красоту жизни, красоту действительную, а мнимую. Коврин и сам погибает. Умирая, он зовет потерянную им Таню и всю, утраченную вместе с нею, красоту жизни.

Он звал Таню, звал большой сад с роскошными цветами, обрызганными росой, звал парк, сосны с мохнатыми корнями, ржаное поле, свою чудесную науку, свою молодость, смелость, радость, звал жизнь, которая была так прекрасна». Его мания вернулась к нему, он вновь верит в то, что он — божий избранник. Умирая, он зовет свою ложную мечту, не понимая того, что это она погубила и Таню, и роскошный сад с цветами, обрызганными росой, и молодость, и радость, и жизнь — прекрасную жизнь. И он зовет все то, что сам погубил.

Зачем Чехов перед смертью Коврина вновь вернул его к болезни и, вместе с возвратом болезни, к чувству счастья? Коврин «видел на полу около своего лица большую лужу крови и не мог уже от слабости выговорить ни одного слова, но невыразимое, безграничное счастье наполняло все его существо. Внизу под балконом играли серенаду, а черный монах шептал ему, что он гений, и что он умирает потому только, что его слабое человеческое тело уже утерало равновесие и не может больше служить оболочкой для гения.

Когда Варвара Николаевна проснулась и вышла из-за ширм, Коврин был уже мертв, и на лице его застыла блаженная улыбка».

Не означает ли этот финал рассказа, что автор сам не знает, что же лучше: жизнь в ложных, красивых мечтах или жизнь действительная, но серая, скучная, посредственная, «без божества, без вдохновенья», — та жизнь, которая настала для Коврина вместе с лечением бромистыми препаратами и молоком? Но ведь дело в том, что не Чехов, а Коврин ставит и решает эту дилемму в пользу ложных мечтаний. Для Чехова же существует, с одной стороны, жизнь, настоящая жизнь, такая, как она есть, — а в ней есть все — и горе, и страдания, но есть и сад с роскошными цветами, и вся жизнь может стать таким садом, — и с другой стороны — мечтания, уводящие от этой, действительной жизни и потому способные лишь погубить красоту, погубить жизнь. Чувство счастья, испытанное Ковриным перед смертью, блаженная улыбка, застывшая на его мертвом лице, — все это связано с болезнью, со смертью, а не с жизнью.

Есть и другое произведение Чехова, в котором образ героя, чьи мечтания уходят от действительной жизни, окрашивается смертью. Константин Треплев думал: «Надо изображать жизнь не такую, как она есть, и не такую, как должна быть, а такую, как она представляется в мечтах». Треплев ушел в мечтания, далекие от действительной жизни, и это погубило его. Жизнь мстит за себя. В мечтах и Коврина, и Треплева, в речах «черного монаха» явно слышен отзвук декадентских идей, к которым Чехов относился иронически. Гибель Коврина и Треплева — это гибель ложных мечтаний.

В «Черном монахе» Чехов-врач удивительно целостно слился с Чеховым-художником. Весь рассказ отрицает болезнь и утверждает простую и подлинную красоту жизни, здоровье — физическое, нравственное, умственное, идейное здоровье; весь рассказ говорит о безобразии, об уродстве, болезни, возводимой в нечто возвышенное, в знак избраннычества, — о ложной красоте, поэтизируемой больным искусством декаданта.

Так Чехов в своем творчестве продолжает, развивает традиции реализма русской литературы, глубоко враждебного всякой ложной, нездоровой мечтательности. Реализм означает верность жизни и правде жизни, — и реализм Чехова включает в себя враждебность ложным идеям, уводящим от жизни. Чехов был убежден в том, что идеи «мессианства», избраннычества претенциозны, ненормальны. Он был убежден в том, что России нужны не пророки, а деятели, честно, упорно изучающие действительность, как она есть, ищущие, вместе со всеми, пути к изменению действительности, — чтобы она стала такой, какою должна быть. В избраннычестве, в теориях об «исключительных» личностях, возвышаю-

щихся над «стадом» обыкновенных людей, Чехов, со своей раздумчиво-печальной улыбкой сатирика, увидел манию величия.

Клим Иванович Самгин, — это кривое зеркало той действительности, которая могучей реальной кистью изображена в горьковской эпосе, — тоже мнит себя критически мыслящей сверхличностью, призванной повести за собою «стадо». Самгин близок к расщеплению личности, к сумасшествию, как к крайнему выражению эгоцентризма, предельной «единоличности», обособленности, самости (несомненно, что в самой фамилии, которую Горький наделил «интеллигента средней стоимости», заключена ироническая усмешка над интеллигентской иллюзией самодовлеющей личности). Вся социальная позиция Самгина ненормальна, сущность его отношений с действительностью патологична.

Чехов звал своего читателя, русскую интеллигенцию, делать в реальной действительности все светлое, что в ее силах, — но не успокаиваться, не удовлетворяться, упорно, не щадя себя, искать новое, трезво понимать ограниченность, недостаточность своей деятельности, не тешить себя никакими ложными мечтами, в том числе мечтами о своем избранничестве, не останавливаться перед неудачами, не падать, не утомляться, не отказываться, ни за что не отказываться от поисков, не уходить в обывательщину! Его позиция поэта «маленьких», рядовых, «обыкновенных» людей внушала ему ироническое отношение ко всем тем, кто «возвышал» себя над обыкновенными людьми. Все это представлялось ему нескромным, претенциозным.

Быстрые «падения», быстрая «утомляемость», легкость перехода к обывательскому бытию, «хрупкость», непрочность — все эти черты Чехов подчеркивает у различных типов деятелей, выдвигавшихся тогдашней интеллигенцией.